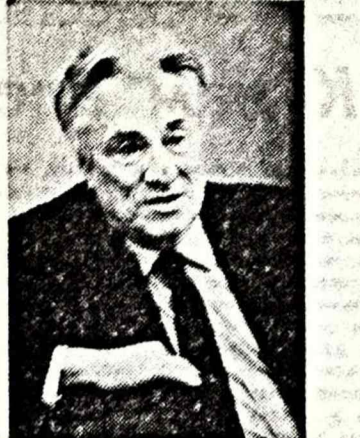

Юрий Нагибин

О МОСКВЕ С НАДЕЖДОЙ И ЛЮБОВЬЮ

МЕНЯ всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются, скажем, коренные ленинградцы, да и — пусть в меньшей степени — новоявленные горожане, как-то удивительно легко усваивающие ленинградскую традицию. Москва необъятна, неохватна и в то же время слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько прошло лет, а я все иду Соколовскую площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько старинных улиц этот широкий, вилый, невыразительный проспект, так и не слышавший с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться, так ли он был необходим. В конце концов транспортные проблемы этой части города можно было решить иным способом.

В последнее время в разрушении старой Москвы возобладал «эзоний» способ. Примеры: Тульская улица, Калевская, Домникова, Зацева. Это не исключает «выборочной» ликвидации, что и делается на Таганской площади, улицах Калевской, Сретенке.

За десять лет снесены: палаты XVI—XVII вв. на Кадешевской набережной, дом в стиле московского классицизма по ул. Гиляровского, где бывал Ленин, дом поэта Плещеева (Оружейный пер.), дом Афанасия Фета (Плющиха), дом Велинского (Рахмановский пер.), дом Шелкина (ул. Ермоловой), дом Рахманинова (Калининский пр.), в Сокольниках сорела дача Державина на Лучинской проспекте. В результате квартира Есенина в Помещанском переулке; в бесхозном состоянии дом Бровина на проспекте Мира; под угрозой и дом Шелкина на улице его имени. Интересно, чем так не угодил великий актер Шелкин московским добродетелям, что хотят стереть память о нем? Несмотря на решение исполкома Моссовета, до сих пор не открыт доступ к могилам Ослабя и Персвета.

Ленинград легко любить, его ядро неизменно чуть ли не со времен Пушкина. А что осталось от Москвы моего детства? Красная площадь... Даже в исторический центр, в перелу арбатских переулков влезают безобразные башни и стандартные, безнадёжно скучные громады. Историки скажут, во всем мире берут старинное ядро города. Я слышал, что в связи с расширением Музея им. Пушкина раздалась толпа за то, чтобы снести старые дома на Волхонке и в прилегающих переулках. Как ни прекрасен этот музей, для народной души не менее важны старые дома.

Любовь к Родине начинается с любви к своей улице — банально, но это святая правда. Проблема новых районов — прежде всего проблема нравственная. Воспитать хорошего человека среди безликих каменных коробов труднее, чем на берегу Чистых прудов или в сплетении старых арбатских переулков, где все пронизано важной памятью. Но люди, от которых зависела Москва, упорно не хотели этого понять.

Москва не стабильна именами улиц и площадей. Ее почти все переименовали и азартно продолжают эту тонко по-советски разрушительную работу. А между тем и в центре, и на окраинах есть множество улиц и переулков, для которых никак не придумают имена, добавляя порядковый номер к одному и тому же названию. Для чего понадобилось переименовывать в улицу Рылевская старая Гагаринский переулок, на углу которого с бывшим Национальным (ныне ул. Фурманова) не раз жила Пушкин у своего московского друга? А правильно ли поступили, переименовав исконно сивиную с Москвой Зубовскую площадь? Ведь на Зубовской, а не на площади Шолохова разбил князь Пожарский войска гегмана Холмевича и заставил их отступить на Поклонную гору, чтобы не переименовали. А подарить имя великого пролетарского писателя можно было одной из молодых площадей.

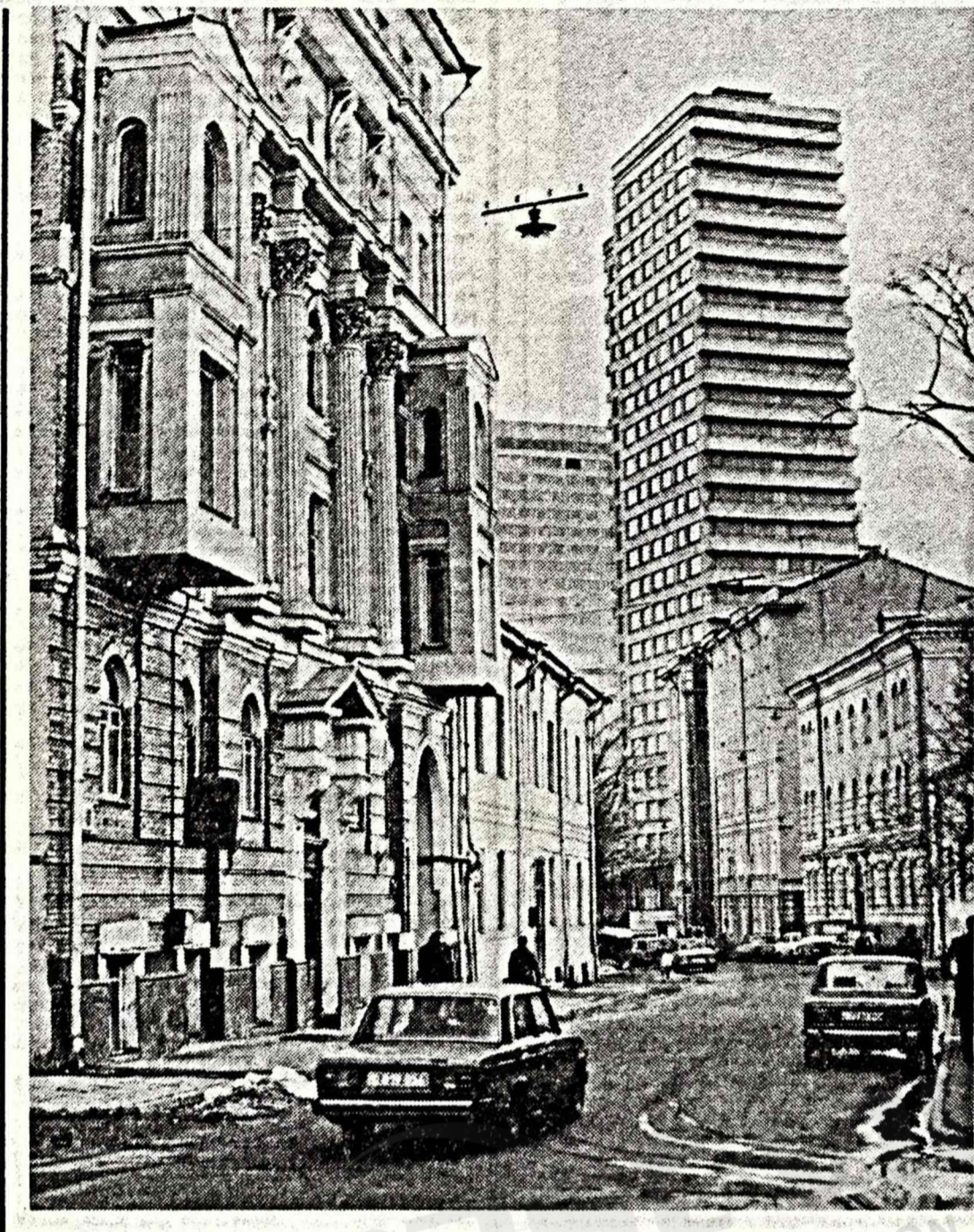
Кроме своего прочего, нестабильность вредна, она разрушает нервную систему. В старых английских магазинах все остается таким же, как это и более лет назад. У нас же в столице все непостоянно, все в движении и переменах; ты никогда не знаешь, окажется ли нужный магазин, учреждение, почта, сберкасса, стоянка такси на том же месте, что две недели назад; а ведь есть еще и такие привычные неожиданности, как «закрыто на ремонт», «закрыто на учет», «закрыто на переучет», «санитарный день», «ненюмо обслуживать». Ты не ощущаешь город своим домом, он все время устраивает тебе каверзы.

И ВОТ что еще, Москва — колдуны, она может завести тебя в миг забыть обо всем, что исканает ее черты. Она бывает так неопишимо хороша, ну хотя бы в мае, когда в московские белые ночи непрозрачный сумрак окутывает золотые купола, и дневной световых таянет из Александрийского сада. А разве не чудо наш город в дни погожей осени, когда мешаются багрец и золото, а Москва-река отражает густо-синее небо, и мосты кажутся высшими в воздухе, и все дома с медным пожаром зари в окнах заслуживают охраны государства? Бывают светлые дни и зимой, когда город кружевает инеем, а пушистый снег ругается своей нежностью и белизной, что когда не станет кошмаром сугробов, непролази и холмелей.

Москва умеет обманывать. Она поражает на подъезде к ней морем огня, золотым заревом, вселенским нишом, и надо оказаться в ущельях темных улиц, чтобы понять, до чего плохо она освещена. Правда, в последнее время света прибавилось. Но все же, все же... Есть ночные города: Токио, Нью-Йорк, Копенгаген, есть города, в которых очарование дня спорит с очарованием ночи, и все-таки они предпочтительнее днем: Ленинград, Лондон, Прага. Москва, конечно, дневной город. На центральных улицах то ли не хватает фонарей, то ли они горят в полнакала, то ли черные, боковые же улицы повсюду тонут в темноте, очень мало ярко освещенных витрин (впрочем, это хорошо), почти нет рекламы, а неоновые — кроваво-красные, и ядовито-зеленые — отныне гаснут, аптеки и аптеки кафе — уличных худососных, словом, никакой феерии негодная водиться. И меня всегда поражает хладнокровие хозяиствеников, которые месяцами мирятся с такими огненными пышнями: «...астронав», «прод...ственый мак...», «спарик...еро...».

Современным городам много света дарят уличные кафе, которых у нас почти нет. Да и обычных кафе раз-два и обчелся. В пору моего детства на углу Петровки и Столешникова находилось летнее кафе «Красный мак», славившее своим трехслойным высоким, как башня, и невероятной вкусным пломбиром. И как было прекрасно сидеть в скрепении двух самых оживленных улиц городского центра над башенкой из мороженого, хлеба и вонючих сливок, глазеть на прохожих, лениво перебарываться замечаниями о проплывающих мимо красавицах и упииваться своей взрослостью. Тут не было и тени кишинья, сомнительные ленивые оболтусы, мы были в целюудренны и трезвы, наши задулы — это кафе «Мороженое». В одном из них, на улице Горького, показывали документальные фильмы, лампы на столбиках были снабжены специальными колпачками. Впрочем, каждое кафе имело свое лицо, свой асортимент и свою музыку. Теперешние немногочисленные кафе безлики, неуютны, холодны и «невыкусны», чаще всего они сбиваются на второразрядные рестораны. До войны кафе «Националь» славилось яблочным пашем и кофе со сливками, «Метрополь» — бриошами и пончиками, «Артистическое» в проезде Художественного театра — хворостом и какао; в каждом было свои завтрашдаты, и старый москвич знал, кого из знакомых где искать. Сейчас это скучные столбики.

А ведь кафе — серьезнейшая часть городской жизни, место деловых и дружеских свиданий, место отъезда или передышки посреди дневных забот, место родения с городом, а также «информационный центр», где можно почитать газету, полистать журналы, обменяться новостями, даже сплетнями — и это потребно человеку, заваликом и колодець в городе нет.

Особенно нужны кафе молодежи. Сейчас все очень разобщены, дефицитом стало «золото человеческого общения». Наши знаменитые дворцы были своего рода клубами. В исходе двадцатых — тридцатых годов жизнь была куда труднее и аскетичнее, а люди общительнее, инциативнее. Каждую зиму мы заливали в садике посреди двора каток, днем тут татались взрослые и дети, а по вечерам (над катком висела гирлянда лампочек) рубились в «факе» — так нам звучало непривычное слово «хоккей». У нас был красивый улолок, где показывали фильмы, а раз в месяц давали концерт самодеятельности — талантливо и остроумно, так мне кажется и дали лет.

Сейчас дворцы исчезают, какие могут быть дворцы при домах-башнях, а с ними уходит многое важное в детской жизни: дворовая дружба-вражда, сложные иерархические отношения дворовой волиньки, особый кодекс чести, необходимость на заре туманной юности колдовство, добрые товарищеские драки, дворовый бескорытный спорт и дворовые танцы. «Во дворе, где каждый вечер все играла радиола», поминте!.. Исчезнут дворцы, и навсегда не станет Ленин Королева, а без него плохо.

Сейчас очень многое работает на разобщение людей и очень мало на сближение. В нашу пору, кроме очных квартир и дворов, сближало кино, на котором все мы были помещены. Тем более, что раньше в кино не забегали, а торжественно отправлялись задолго до начала сеанса послушать хороший диалог — в «Коллеже» выступал ансамбль Барламова — один из лучших в стране, в «Ударнике» — Рачесного, в 1-м кинотеатре под Бадином — Иозин — вытша газировки с вишневым или шоколадным сиропом в буфете, поспостреть на таинственные лица знаменитых киноактеров, — такая экспозиция была в каждом уважающемся себя кинотеатре.

Нынешнему молодому гражданину Москвы привычной сидеть дома, или слоняться по тротуарам, или тряситься в дискотеках в танцах, не создающих интимности, пары. Радость живого общения, способность что-то переживать сообща, упоние беседы исчезают из нашей жизни. В начале шестидесятых возникли молодежные кафе, в них не танцевали, а разговаривали, спорили, читали стихи — свои и чужие, слушали песни в исполнении отечественных бардов, шумели... Однажды меня пригласили в это кафе поспостреть о фильмах. Мне там понравилось — горячая атмосфера, запах молодости. В дальнейшем я что-то не слышал об этих кафе. Не знаю, что там случилось, но догадаться можно. Кого-то осянло пресловутым: как бы чего не вышло, и натяннулись административные вожжи. Впрочем, не исключено, что рунименты молодежных кафе остались, но зачастую уже не на радость посетителям, а ради галочки.

А что пришло взамен? Дискотеки. С их огулительным шумом и дурным вкусом рабочей подражательности. Любопытно, что дискотечные танцы тоже не работают на сближение: кавалер сам по себе дергается посреди круга из нескольких, порой вовсе не знакомых ему — язык не поворачивается сказать — партнерш, живущих самостоятельной кинетической жизнью.

В СВОЕ время заводские дворцы и клубы хорошо служили молодежи. Там не было пышных балов и блистательных представлений, которые транслируются по телевизору, не было изысканных мастеров танго, каких не встретишь и в далекой Аргентине, не было и умело-развязных певцов, орунующих шумом микрофона ловчее самого Леонтьева, все было проще, неуклюже и милей. Ныне кружки пения — только и хоророго — существуют во многом для тех, кто одарен голосом и слухом от природы и после должной выучки может участвовать в спектаклях, фестивалях, завоевать призы, кубки, вымывлять на радость руководству. Мало повзвы вездуть почти профессиональную жизнь, ездая на гастроли по стране и даже за рубеж. Аж завидны берут, но молодежные клубы были залунами не ради этого. В кружки шли люди, которые не отличались

выдающимися голосами: но любили и хотели петь для себя. Ну уж если очень хорошо получается, пусть послушают свои, заводские. И рисовать, и лепить, и вышивать хотели для себя, не на выставку. Ныне же одна забота — скорее вывести любителя на суд людской и получить некий официальный статус, с которым приходит всякая сласть. Если ты шапки двигаешь, так скорее получи зарпяд, если на балаляке тренькаешь, то будь хоть районным лауреатом. И получается, что участники заводской самодеятельности имеют такое же отношение к рабочему коллективу, как игроки футбольной команды «Торпедо» к ЗИЛУ.

Но в некоторых новых микрорайонах нет даже скучных клубов, ничего нет.

С удручающим однообразием их все уже смирились, в том числе и обитатели громадных, не отличных одна от другой серых коробов, оживленных красочно-облезлыми балкончиками. Похоже, смирились и с отсутствием культурных учреждений. Как говорится, лишь бы не было войны. Правда, на периферии Москвы за последние годы построено несколько двухэтажных кинотеатров. Но тревожно, что зрителей в этих россопных кинодворцах мало. Да и по всей Москве последние кинотеатры пойд от года падают. Глобальная причина всем ясна — телевизор, это ирровое явление. Я видел в Токио целый квартал заброшенных кинотеатров — огромные мертвые дома в обрыках старых афиш, с выбитыми стеклами, словно после бомбежки. Но у японского телевидения двенадцать программ, а в Москве всего четыре. Неужели эти четыре программы потрафляют всем вкусам? Кстати, токйское кино до последнего билось за свое существование, пустив в ход радио и световую рекламу, афиши на каждом шагу и даже уличных зывалов. Ну, а наши кинотеатры борются за зрителя? Впрочем, так кажется, забота кипнопропата, а тот, видать, как-то выкручивается «во валовую сбору» за счет всяких фантамов и Челентано, ему и горшок мало.

Самый простой и верный способ привлечь зрителя к фильму, да и к любому зрелищу — афиша, красивая, броская, буквально хватающая прохожего за рукав. А ведь афиша не только информирует и завлекает, она украшает город. Увы, и этого украшения лишилась Москва, афишные стенды редки и безрадостны.

Когда у Евгения Евтушенко была фотывставка, он взял свои афиши, вердерко с мучным клеєм, большую кисть, погрязши все это в мажину и сам стал ездить по горячим точкам столицы и клеить. Сила Евтушенко в том, что он не идет милостей ни от природы, ни от учреждений. «Профессия» расклеиваа афиш изуряден в Москве». — сказала мне в дирекции Политехнического музея, где у меня была встреча с читателями, о которой оповещала одна-единственная афиша у входа.

Что, клеить ничего? Может, и ничего, но для каждого нового фильма создается броская, яркая афиша — не пропало мастерство наших художников-плакатистов, которые так блестятельно показало себя в гражданской войне (знаменитые окоя РОСТА, где работал Маяковский), в труднейшую пору Отечественной войны — как подымали дух плакаты Кукрыникова, Тонде, Иванова и других! — да и после войны советский плакат процветал. То, что сейчас появляется в праздничном и памятных датам на улицах Москвы, плакатом порой не назывешь — схематичн, бездушно. Так вот, афиши есть, но их нет.

Парки, общественные сады — тоже часть московской жизни. Когда-то радостью и гордостью столицы был Парк культуры и отдыха им. Горького. Здесь отдыхали под старыми деревьями Нескучного сада, на танцевальном круге, в комнате смеха, на «чертовом колесе». В «тихой» комнате можно было поиграть в шахматы и шапки, полистать журналы, а в Зеленом театре давали большие концерты, спектакли и даже оперы («Нармен»), происходили премьерные показы кинофильмов («Цирк»).

Кое-что из перечисленного и сейчас существует, беда в том, что нынешних посетителей

трудно удивить «чертовым колесом» или кривыми зеркалами. Теперь многое стало рутинным, скучным, былое очарование исчезло. Как прекрасно звучит духовая музыка в городском саду, она возмущает будит воспоминания — даже о том, что не с нами было. В прошлом году в Серебряном бору звучали трубы духового оркестра, и скучноватое место обрело поэзию и глубину. Не говоря уже о том, что старинные валдысы заглушили разнобой сотен транзисторов — летнего кошмара Москвы и Подмосквы. Может, с этого и начать?

Не надо вообще слишком легко верить, что чего-то нет, а на нет, мол, и суда нет. Еще недавно москвичи с великой простотой смирились с тем, что Москву перестали чистить от снега и льда. Сшибались машины на замороженных сугробах улиц, пешеходы ломали руки и ноги на тротуарной наледи.

«Ненюмо работать...» «Снегоочистительные машины стоят...» — мы сами услужливо придумывали оправдания нераспорядительности, равнодушию, разгильдяйству. И вот, будто родившись из воздуха, на улицах Москвы появились сотни снегоборочных машин, ожили и схватились за скрепки ушедшие в коммерческую деятельность дворнички, к ним на помощь пришли москвичи, желтый песок усеял поля «ледовых побоев», город стало не узнать. Впрочем, московские старожилы припоминают: такой некогда и была зимняя Москва — чистая, прибранная, безопасная для пешеходов.

Стоит коснуться одной московской проблемы, как она тут же тянет за собой другую. И все-таки есть одна главная, пронзающая во все остальные: наш город в том виде, в какой его привели, не способствует сближению людей.

Сейчас при неизмеримо возросших средствах общения коммунистичность снизилась. Это распространяется почти на все формы человеческого обмена. Недаром исчез в литературе эпистолярный жанр. Писать пространные письма считается неприличным. А в старое время жизнь мало-мальски образованного человека не мыслилась без переписки. Сейчас письма вытеснены открытками, телеграммами, телефоном. Тем важнее непосредственное общение. Но у него повсеместно возникло много недругов, а в таком громадном и разбросанном городе, таком сложном механизме, как Москва, особенно.

Кто-то сказал, что истину в одиночку не отыщешь. Наверное, в науке важно истину ищут в одиночестве, хотя и наука стала коллективной, ну, а общечеловеческие истины лучше искать сообща. Без живых союзов общения человек ссыхается в индивидуалиста.

Поскольку во имя общения мы не вернемся в коммунальные квартиры и к трамвайным коростям, не откажемся от телевизора, не заменим телефонно-телеграфную краткость длинными эпистолами, не напомним голыню новых районов кущами Ватто, влекущими к поэзии и любви, то решим, что можно сделать уже сейчас. Первое и самое простое: открыты клубы, дворцы и клубы всем, кому захочется прийти сюда просто так: поговорить, полистать журналы, послушать музыку, сразиться в шахматы. Перестать думать о зачетных очках, победах на конкурсах, всяком «наваре», а силами самих посетителей сделать клубную жизнь интересной и теплой. Чтобы людям, особенно молодым, хотелось там бывать, а не подпирать стены подъездов, слоняться по улицам или торчать у домашнего телевизора. Чтобы клуб стал местом дружеских встреч, а не залетной площадкой особо одаренных одиночек. Клуб не оранжерея для выращивания талантов, он для общей радости. И побольше игры, непринужденного общения.

Есть много способов сделать жизнь интересней, многообразней. Нужны лишь инициатива и упорство. Эти качества оказались у студентов и выпускников химико-технологического института, создавших самостоятельный театр. Недавно ребята своими силами оборудовали помещение на улице Чехова, под боком у Театра Ленинского комсомола, не испугавшись грозного соседства малоинтересно-оглушительных рок-опер, правдивей самой жизни бормотка Петрушевской и того неустойчивого фламандского юноши, в чье сердце стучался пепел Клауса. За годы своего существования театр накопил мускулы, создал хороший репертуар, москвичам по душе его имя «Театр на улице Чехова», нравится и дерзкое название одной из пьес «Чехов на улице Чехова».

НО МЫ все о досуге, о развлечениях, самок деятельности и саморазвитии. А ведь Москва Дисконейленд и не воскресшая школа. Москва — могучий организм, призванный обеспечивать существование многомиллионного населения, бесперебойную работу огромной промышленности, на Москву лежит забота о всех государственных учреждениях страны, здесь находятся Академия наук, Академия медицинских наук, Академия художеств, крупнейшие музеи, книгохранилища, архивы, это центр туризма и всех международных связей, Москва востину мировой город, связанный со всеми живыми точками планеты.

Для города особенно важны коммуникации. Трагедия всех современных больших городов — перенаселенность и переполненность автомобильным транспортом. В этом отношении Москва вполне на уровне мировых стандартов. Но вот что странно: Москва пожетрвала своим исторически сложившимся центром, смета узкие старые улицы и создав вместо них широкие магистрали, перестала превратиться в площадь, а площади пустыри — такого рачительства не может позволить себе ни один город в мире, ибо земля чудовищно дорога, и каждый метр городской площади стараются максимально использовать, кроме того, в Москве куда меньше легковых автомобилей, если сравнить ее со столицами такого же ранга, но пробок на широких улицах стали привычным делом, припаркованных в центре негде, на улицах обилие грузовиков и старых зилвских автобусов, исторгающих из перегороших глушителей такой смрад, что, попадая под струю живое существо, оно тут же бы околело. ГАИ цепляется к любой малясти, когда дело касается частников, но совершенно равнодушно к тому, что губительно для здоровья граждан.

В хорошем современном городе грузовик в дневное время не увидишь. Локальные поставки осуществляются с помощью пикапов и трехколесных машин с моторизованым мотором; «суперайзеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рывчаним, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремещий бортом, выхлывающий из стороны в сторону, истоочающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это стемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер. Не должно быть грузовиков на московских улицах днем, лишь в паре со снегоборочной машиной.

Почему в Москве так трудно припарковаться, ведь места сколько хочешь. Например, по всей новой части Калининского — сплошь торговое — проспекта стоянки запрещены. Но от тротуара до мостовой тянутся широченные пустынные зарывки, как будто созданные для того, чтобы на них ставили машины. Так раньше и делали, и всем было угодно, но в конце они сообразили, что это самоуправство. Кто позволил? Запретить! Сказано — сделано.

Громадное пустынное пространство Манежной площади могло бы принести великий личный транспорт, захвачив в центр, но опытные водители мучаются, не зная, где оставить машину. По-красному расплывшиеся дорожные знаки запрета — часть общей тенденции к бессмысленному запрещению. Пора кончать с подобной практикой.

В морозные дни зимы до боли очевидна и горестна нехватка общественного транспорта в столице. Тяжело смотреть на бесконечные иззябшие очереди у автобусных и троллейбусных

остановок, окутанные паром дыхания, проскочившими кровавым неоновым светом.

И еще один вопрос: почему таксисты так часто едут не туда, куда тебе нужно, или на обед, или в парк, или вообще нигде не едут, прибывая в таинственном ожидании какого-то чуда-пассажирка? Неужели и они не заинтересованы в законном заработке плюс чаевые? Да, это так. Каждый уважающий себя, но не своих сограждан таксист метит в мини-автобусы, воздушные пассажирки по одному и тому же маршруту за отдельную плату, все платит полностью то, что указано на счетчике. Если же он пробыл на трассе «Домодедово — Шереметьево» и обратно или «Шереметьево — Внуково» и обратно, то он — мини-автобус с такси-работком. Понятно, почему среди таксистов нередко встретишь бывшего инженера, затравленного подальше дипломом, или скрывающего свою научную степень кандидата наук.

Я всегда с интересом смотрю на сотрудника ГАИ, который карает меня за отказавший сигнал поворота, перегоревшую лампочку, отсутствие бокового зеркала (украденного, когда я смотрел спектакль в новом помещении МХАТа и страшно простудился, так дуло со сцены), за помятый бампер или крыло, за разбитый подфарник. Он ведь прекрасно знает, что мужских залпостей почти никогда не бывает в продаже, надо месяцами обходить пороги магазина, чтобы случайно встать дефицитную деталь. Он знает также, что своим каранием жестоким толкает меня на мелкие преступления, а куплю эту загнать за таксиста, который украдет ее в своем гараже, а то у прохода завода. Я не стану писать о работе московских станций техобслуживания, ибо это материал для уголовной хроники. Но это же причина не стану писать о московской торговле, которой всерьез занялись органы правоохранения. Долгожданный народом год грянул.

Моя блуждающая мысль идет к теме вежливости, вернее, невежливости, а если прямо: к хамству. Многие приезжие едины в том, что Москва невежливый город. Спросите прохожего москвича, где находится именная вам улица, переулок, учреждение, — даже не выслушав толком, он буркает: «Я не здесь!» и проедет мимо. Почему в Москве все невежливее? Состав Москвы меняется, обновляется, но ведь обычно люди, получившие московскую прописку, остаются тут навсегда и не имеют морального права ссылаться на свою «попусторочность». Я уже надоел в Ленинграде, но мне не нравятся строгие стандарты московского ленинградцем и трогательно гордится своим коренным знанием города. А москвичи с многолетним стажем не стремятся узнать свой великий город, вроде бы бравирует его незнанием. Это зарвало даже тех, у кого Москва в крови, может, и раздражение против тьмы приезжих скандалится, но не обращается к московским прохожим, врагумительного ответа вы не услышите.

А как ведут себя москвичи в местах людского скопления, как разговаривают в магазинах, на почте, в прачечной, сберкассах? И если в магазинах приоритет на хамство принадлежит продавцу, как власть именуемо, то в остальных случаях первым заводится обычно клиент, правда, подвергшаяся агрессии сторона быстро берет верх в силу натренированности и лучшей защищенности. Что стоит за грубостью отношений? Не, много? С одной стороны — срываясь строгими стандартам, московским образом жизни нервная система, с другой — неантисероанность в работе при острой нехватке кадров в сфере обслуживания. Присемница в прачечной сказала: «За эти гроши да еще улобаться!». Наших туристов удивляет вежливость продавцов, официантов, гостиничных служащих «за бутром». Там существует правило: клиент всегда прав — и страх безработицы. Такая вот принудительная вежливость, под угрозой увольнения, не для нас. Нашим людям чужд страх увольнения. Обратно, ся к опыту Аэрофлота. Свое обслуживание пассажиоров он определяет как «ненавязчивую» — прекрасная формулировка! Вот за такую ненавязчивую вежливость мы должны бороться, чтобы избежать дурь друга, не соблазняясь попустому. Это продукт жизни как обслуживающим, так и обслуживаемым. Да и нет между нами барьера: мы все обслуживаем друг друга.

А НЕ ПЕРЕБОРЩИЛ ли я? Что же, в Москве все так плохо? Конечно, нет. Город живет! Но вспоминаются слова О. Мандельштама: «Мы думаем, что все в порядке, потому что ходят трамваи». Обобщите слово «трамвай», пусть оно обьелет все виды городского транспорта и городские службы, МХАТ, Малый театр, цирк, детскую оперу Натальи Сап и консерваторию, стадион им. Ленина, Музей им. Пушкина с его величественными экспозициями и культурной программой, да мало ли сколько еще в Москве хорошего, талантливого, уникального, значительного, так вы уверитесь, что все в полном порядке. Нет, не в порядке, не надо себя обманывать, лучше смотреть правде в глаза.

Вырабаталась, мне думается, чрезвычайно дурная манера говорить о наших недостатках. Чтобы тебя не обвинили в очернительстве, надо прежде всего развернуть сияющую панораму наших достижений, которые так великодушны, что на их фоне любые недостатки кажутся мелкими, незначительными. А людям, виновным в этих недостатках, только того и надо — если стрела и достигнет их, то уже наизлете.

Я жалую не о том, что сказал, а о том, что сказал далеко не все. После войны в Москве построено два драматических и один музыкальный театры. Но основное здание МХАТа, исторический дом Чехова и Горького, ремонтируется вот уже восемь лет.

Да разве дело в зданиях? Мы гордимся Большим театром. Да, величественные стены и стройные колонны Бове стоят, и все так же мощно правит своей квадратной Аполлон, и сияет позолотой, алеет бархатом зал, озаренный светом гигантского хрустала... Но оперный репертуар, на мой взгляд, скудеет. Я не могу представить себе оперу без колоратурного сопрано — лирического тенора. Формально такие голоса, конечно, в труппе числятся, но это лишь «исполняющие обязанности». Поэтому ставится «Даус», «Ромео и Джульетта», «Уго» «Богема» Пуччини, «Майская ночь» Римского-Корсакова, а на «Евгения Онегина» лично а режиссеру пойти лишь в том случае, если партия Ленского вновь запоет драматический тенор В. Атлантов, которого куда чаще слышат меломаны Вероны и Милана, нежели москвичи. Замечательный артист не виноват, он не раз с полным чистосердечием говорил, что охотнее пел бы дома, да увы...

Мы привыкли злоупотреблять словом «культура», применяя его ни к селу, ни к городу. И все же, мне кажется, позволительно говорить о «культуре руководства». Это предполагает причастность руководителей города к духовному опыту народа, к его хрупким нравственным ценностям, умение видеть за толпой человека, а в человеке — личность, и беречь плуце женицы она это золотое человечье, дороже чего нет на свете. Здесь корень всех заблуждений нас проблем, даже транспортных.

Но давайте помнить и о своей ответственности. Да, жить в нашем городе стало трудно, и причин тому много, тут не спрашивать в один присест, нужно время, терпение, труд. Сборный — всех нас. Мы являл высочайшее достоинство в гонину суровых испытаний, когда смерть висела над каждой головой, так нам ли разваливаться от бытовых неудобств, пусть досадительных, и зачем отрясать грозда гнева друг на друга, не лучше ли обратить нашу силу против того, что нам мешает? Мы же любили Москву, нам тяжело даже короткая разлука с ней, так вспомни о нашей московской гордости и гражданском чувстве.

Ах, Арбат, мой Арбат... Фото В. Алексеева.